

ВЫСТУПЛЕНИЕ И. С. АКСАКОВА ПРОТИВ БЕРЛИНСКОГО КОНГРЕССА 1878 г. И ОТКЛИКИ НА НЕГО В РОССИИ И БОЛГАРИИ

В. И. АДО

Пересмотр Сан-Стефанского договора на Берлинском конгрессе и, в особенности, расчленение Болгарии, совершенные под давлением западных держав, вызвали разочарование в различных кругах русского общества. Дипломатическое поражение русского царизма на Берлинском конгрессе явилось одним из факторов, усиливших рост общественного недовольства в России. В условиях демократического подъема в стране среди господствующего класса нарастает страх перед угрозой «страшной катастрофы» — народной революции и вследствие этого возникает и усиливается недовольство деятельностью правительства, в частности, его внешней политикой. Ярким проявлением обострения противоречий в помещичье-буржуазных кругах России на почве неудач восточной политики царизма явилось выступление лидера московских славянофилов И. С. Аксакова на заседании Московского славянского благотворительного общества 22 июня (4 июля) 1878 г.

Естественно, что речь Аксакова неоднократно привлекала внимание как русских, так и зарубежных историков. В буржуазной литературе установилась своего рода традиция, представляющая Аксакова как наиболее яркого выразителя настроения общественного мнения в России после конгресса. При этом недостаточно учитывалась или вовсе игнорировалась острая борьба, развернувшаяся в общественном мнении России вокруг оценки итогов конгресса¹.

В ранних работах советских историков делались попытки дифференцированно подойти к рассмотрению отношения русского общества к Берлинскому конгрессу, но речь И. С. Аксакова они все же представляли как выражение настроения, характерного для русского общества в целом².

Более детальному рассмотрению выступление Аксакова подверглось в советской литературе послевоенных лет, когда под влиянием Великой Отечественной войны советского народа возросло внимание к изучению истории славян и русско-славянских отношений. Но при этом в оценке политического смысла и значения выступления Аксакова мнения советских историков разошлись. В работе И. В. Козьменко это событие впервые подверглось специальному исследованию. Широко используя новый архивный материал, автор выяснил некоторые мотивы, побудившие Аксакова к публичному выступлению, исследовал, как распространялась речь в России и в славянских землях, констатируя, что она произвела большое впечатление на болгар и австрийских славян. Но в оценке значения речи автор оторвался от общественно-политической борьбы в России, рассматривая Аксакова как выразителя «истинных чувств большинства русских»³. Иную точку зрения высказал П. Мирошниченко. Он считает выступление Аксакова наиболее ярким выражением стремления реакционных кругов сделать дипломатию «козлом отпущения» за неудачную политику царизма. Верно отмечая одну из политических тенденций, проявившихся в выступлении Аксакова, эта оценка страдает, по нашему мнению, односторонностью, поскольку в ней не учитывается рост недовольства, выразителем которого был Аксаков, внешней политикой правительства в среде помещиков и буржуазии и не

¹ Либеральный историк литературы С. А. Венгеров, считая, что 1875—1878 гг. являлись кульминационным пунктом ораторской деятельности и славы Аксакова, связывал это с тем, что тогда все слои русского общества слились якобы «в одном общем чувстве искренней братской приязни к угнетенному славянству». Этим же, по его мнению, объясняется и то сильное впечатление, которое произвела речь Аксакова на русское общество и правительство (С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых, т. I, СПб., 1889, стр. 335—340; см. также «Русский биографический словарь», т. I, СПб., 1896, стр. 99).

В зарубежной буржуазной литературе утвердился взгляд на Аксакова как на выразителя отношения всего русского общества к Берлинскому конгрессу. Sumner утверждал, что Аксаков «выразил страстное разочарование всех русских» (B. H. Sumner. Russia and the Balkans. 1870—1880, Oxford, 1937, p. 554—555; см. также: E. C. Corti. Alexander von Battenberg. Sein Kampf gegen den Zaren und Bismarck, Wien, 1920, S. 51; I. Grüning. Die russische öffentliche Meinung und ihre Stellung zu den Großmächten 1878—1894, Berlin, 1929, S. 56).

Более осторожную оценку значения речи И. С. Аксакова дал Medlicott. Он не распространял чувства Аксакова на все русское общество и рассматривал его как представителя лишь одного из элементов общественного мнения — славянофилов (W. N. Medlicott. The congress of Berlin and after. A Diplomatic History of the Near Eastern Settlement 1878—1880, London, 1938, p. 145).

² Н. Н. Кравченко. Очерки по истории международных отношений конца XIX и начала XX вв. I. Берлинский конгресс 1878 г. и Тройственный союз, Саратов, 1925, стр. 23; С. Сказкин. Конец австро-русско-германского союза. Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е годы XIX столетия, т. I, 1879—1884, М., 1928, стр. 66—67.

³ И. В. Козьменко. Болгарский вопрос и русское общество в период восточного кризиса 70-х годов XIX в., канд. диссерт. (машинопись), М., 1945, стр. 186—192. Аналогичная точка зрения нашла отражение и в художественной литературе (см. Владимир Солухин, Владимирские проселки. «Роман газета», 1958, № 6 (162), стр. 44).

ставится вопрос об объективном значении речи для балканских славян⁴. В IV томе «Истории Москвы» выступление известного московского публициста рассматривается как одно из проявлений обострения общественно-политической борьбы в России. Автор главы Ш. М. Левин, отметив, что Аксаков произнес речь, «учитывая настроение недоумения и разочарования», справедливо считает, что в сущности лидер славянофилов опасался «пагубных» последствий Берлинского конгресса для «внутреннего спокойствия и мира», страшился роста в стране антиправительственного движения. Но вне поля зрения Ш. М. Левина остался вопрос о внешнеполитическом значении выступления Аксакова⁵.

В настоящей статье сделана попытка на основании изучения русской периодической печати и документов из личных архивов И. С. Аксакова и близких к нему лиц выяснить роль этого публичного выступления в общественно-политической борьбе внутри России, а также в русско-болгарских общественных отношениях конца 70-х годов XIX в.

* * *

И. С. Аксаков задумал свое выступление еще в мае 1878 г., когда стала очевидной готовность русской дипломатии идти на уступки в вопросе о пересмотре Сан-Стефанского договора⁶. Окончательно он утвердился в своем намерении в начале июня. Так, в письме к Е. Ф. Тютчевой от 3—6—7 июня он уже подробно изложил мотивы предполагаемого публичного выступления против уступок русской дипломатии на Берлинском конгрессе⁷.

И. С. Аксаков готовился выступить как представитель определенного общественного течения. Он не считал возможным молчать в то время, когда, по его словам, знамени, которому он служил, делу, которому он посвятил всю свою жизнь, наносится позорное поражение. «Россию распинают, Россию позорят, Россию творят отступницей от ее исторического призвания и завета,—и мы все немые, как рыбы!»⁸—возмущался И. С. Аксаков.

Лидер московских славянофилов не надеялся на непосредственный практический результат своего выступления в смысле изменения курса внешней политики правительства. И. В. Козьменко неправ, приписывая И. С. Аксакову подобное «наивное стремление»⁹. И. С. Аксаков не рассчитывал на силу своего голоса, он допускал, что речь его будет всего лишь «гласом вопиющего в пустыне»¹⁰. Он предвидел малолюдство предстоящего общего собрания Славянского благотворительного общества, предполагал, что речь в России «во всяком случае и не напечатали бы»¹¹. Но Аксаков надеялся, что она появится за границей — в Праге и в Лейпциге — на немецком языке¹², а в России распространится в рукописях и дойдет до сведения «высших мира сего», «а мне только это и нужно» — добавлял маститый председатель Славянского общества¹³. Уже после

⁴ П. Мирошниченко. Отношение русского общества к балканским событиям 1875—1878 гг., канд. диссерт. (машиннопись), т. II, ч. IV, Сталино, 1946, стр. 383—384.

⁵ «История Москвы», т. IV, М., 1954, стр. 369.

⁶ ЦГАЛИ, ф. Аксаковых, ф. 10, оп. 1, ед. хр. 121, л. 222. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 25 мая (1878).

⁷ Там же. Тютчев Ф. И., ф. 505, оп. 1, ед. хр. 186, лл. 28—30 об. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 3—6—7 июня 1878 г.

⁸ Там же, л. 31 об.

⁹ И. В. Козьменко. Указ. соч., стр. 190.

¹⁰ ЦГАЛИ, ф. 505, ед. хр. 186, л. 29 об. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 3—6—7 июня 1878 г.

¹¹ Там же, ф. 10, ед. хр. 121, л. 222. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 25 мая (1878).

¹² Там же.

¹³ Там же, л. 243. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 20 июня (1878).

произнесения речи в письме к руководителю Южно-славянского пансиона в г. Николаеве Ф. Н. Минкову от 18 июля 1878 г. Аксаков писал: «Практического результата от своей речи я никогда и не ожидал,— но она теперь распространилась по всей России,— она, как заноза, вошла в совесть наших дипломатов и смущает их самодовольный покой»¹⁴. Таким образом, речь была задумана Аксаковым как выражение протеста против торжества «петербургских врагов русской народности и славянства». Она должна была, по замыслу автора, опровергнуть тезис противников славянофильства об искусственности славянского возбуждения в России, показать Европе и царскому правительству, что общественное мнение в России не одобряет «козни Шувалова и К^о»¹⁵.

Таков внутривполитический аспект задуманного Аксаковым публичного выступления. Кроме того, оно имело и другой, внешнеполитический, аспект. Аксаков писал Е. Ф. Тютчевой о том, что деятельность Славянского комитета имеет политическое значение в славянских землях, которое он не может игнорировать. Получая беспрестанно письма и адреса с тревожными запросами от славян, Аксаков не считал возможным молчать в то время, когда русское правительство «готово предать славян врагам славянизма». Цель своего выступления Аксаков видел в том, чтобы обвинение славян пало не на Россию и русский народ, а на одну русскую дипломатию и стремился выражением участия «поддержать в них дух бодрости и терпения»¹⁶.

Готовясь выступить от имени общественного мнения России, Аксаков в действительности непосредственно выражал мнение славянофильских кругов дворянско-буржуазного общества, выступавших в то время под знаменем панславизма¹⁷, и их негодование курсом политики, принятым правительством после Сан-Стефанского договора — политики уступок западным державам в восточном вопросе. Эту политику славянофилы рассматривали как отречение правительства от поднятого было им «русского, народного, славянского и православного знамени»¹⁸.

Аксаков считал свое выступление общественным подвигом, понимая, что идет «против течения», восторжествовавшего в высших сферах, и допускал возможность неприятных для себя последствий. «Не брани, чтобы ни случилось после речи»¹⁹, — приписал он в письме к своему ближайшему другу Е. Ф. Тютчевой, написанном в ночь после произнесения речи. Готовясь выступить с резкой критикой действий русской дипломатии и петербургских бюрократических верхов, Аксаков вместе с тем заявлял о своей преданности существующей власти. «Тем хуже для власти, — писал он, — ... если она не умеет распознавать своих лучших друзей»²⁰.

Речь была окончательно написана за два дня до выступления²¹ и произнесена 22 июня (4 июля) 1878 г., за несколько дней до оконча-

¹⁴ П. Абрашев. Южно-славянский пансион в Николаев. Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, кн. XXV, София, 1909, стр. 58.

¹⁵ ЦГАЛИ, ф. 505, ед. хр. 186, л. 29. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 3—6—7 июня 1878 г.

¹⁶ Там же, л. 31.

¹⁷ Панславистская концепция славянофилов оформляется со времени Крымской войны 1853—1856 гг. В 60—70-х годах XIX в. славянофилы представляли одно из течений панславизма в России (См. С. А. Никитин. Славянские комитеты в России, М., 1960, стр. 245—255, 343).

¹⁸ ЦГАЛИ, ф. 505, ед. хр. 186, л. 31. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 3—6—7 июня 1878 г.

¹⁹ Там же, ф. 10, ед. хр. 121, л. 244об. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 20—22 июня (1878).

²⁰ Там же, ф. 505, ед. хр. 186, л. 30. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 3—6—7 июня 1878 г.

²¹ Там же, ф. 10, ед. хр. 121, л. 243. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 20 июня 1878 г. В тот же день Аксаков читал свою речь у Пудыковича в присутствии Ф. М. Достоевского, который предсказал, что Аксакова вышлют за эту речь (П. Б. Из записной книжки «Русского архива». «Русский архив», 1903, кн. 3, стр. 670).

ния Берлинского конгресса, т. е. до объявления о содержании англо-турецкой конвенции, передававшей Англии остров Кипр²². Мирный трактат еще не был ратифицирован, но содержание его уже определилось почти окончательно и газеты разносили известия о больших уступках России на конгрессе.

Больше всего волновали Аксакова уступки, сделанные Россией под давлением западных держав в отношении обеспечения независимости балканских славян. Оратор считал их позорными и негодовал, что «Русь — победительница сама добровольно разжаловала себя в побежденную», что «западные державы с Германией впереди» нагло срывают с нее победный венец и преподносят взамен «шутовскую с погремущими шапку»²³.

Большую часть своей речи И. С. Аксаков посвятил критике решений Берлинского конгресса, касающихся Болгарии. Он напомнил своим слушателям, что ближайшим поводом войны явилась турецкая резня населения южной Болгарии и что главной «возвещенной задачей» войны было — «вырвать болгарское племя из-под турецкого ига»²⁴.

Ошеломляющую нелепость решений конгресса, сплошное надругательство над Россией московский славянофил видел прежде всего в том, что с согласия России «как по живому телу» распиливается Болгария на две части, и лучшая, плодороднейшая и наиболее истерзанная часть ее возвращается в турецкое рабство. Русское правительство, заявлял оратор, не должно убаюкивать себя надеждою, будто участь южных болгар можно обеспечить проведением некоторых реформ, так как исторический опыт показал несостоятельность гарантий подобного рода.

Будущую судьбу придунайского Болгарского княжества Аксаков представлял в самом мрачном свете. Он предвидел, что Англия и Австрия не допустят свободного и самостоятельного национального развития болгарского края и примут все необходимые меры, чтобы парализовать значение Болгарского княжества и поработить его в политическом и экономическом отношениях. Сеть мелочей, сотканная Англией и Австрией, заявлял он, так опутает придунайское княжество, как будто оно сжато железными обручами.

В этом аспекте «опутывания» балканских славян западными державами Аксаков рассматривал и решения конгресса, касающиеся Сербии, Боснии и Герцеговины. Он возмущался тем, что все державы, включая Турцию, но не исключая Россию, единодушно благословили Австрию на оккупацию Боснии и Герцеговины и на подчинение ею в военном, политическом и экономическом отношениях независимых Сербии и Черногории. В этом Аксаков видел измену историческому завету, призванию и долгу России.

Страстность и резкость речи Аксакова, горькие ноты разочарования, звучащие в ней, были прежде всего обусловлены крушением надежд славянофилов. «Нет сил, — признавался Аксаков, — писать историю славянофильских... иллюзий». Влияние славянофильства в обществе падало. «Я совершенно один, — жаловался Аксаков, — никакой среды вокруг и никакого резонанса»²⁵. Различие в понимании политических задач русским правительством и Славянским благотворительным обществом лишало последнее поддержки правительства. Сознывая бессилие Славянского общества, не имеющего ни денег, ни надежды добыть их, ни содействия русского правительства, Аксаков не отвечал на обраще-

²² ЦГАЛИ, ф. 10, ед. хр. 121, л. 254. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 7 июля 1878 г.

²³ И. С. Аксаков Поли. собр. соч., т. I, М., 1886, стр. 299.

²⁴ Там же, стр. 300.

²⁵ ЦГАЛИ, ф. 10, ед. хр. 121, лл. 247—248об. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 28 июня 1878 г.

ния боснийских инсургентов, взывающих о помощи, и призывал членов Общества воздержаться от всякой агитации, от всякого действия, способного обнадежить боснийцев и вызвать напрасное пролитие крови²⁶.

Аксаков намеревался выступить от имени общественного мнения России, он писал о своей речи: «Это просто крик боли, вопль,— и не личный только, а вопль за всех». Однако содержание его выступления показывает, что оно отражало настроение славянофильских кругов помещичье-буржуазного общества. Именно интересы этих кругов, а не бескорыстное сочувствие славянам лежит в основе его недовольства решениями конгресса. Это объясняется прежде всего боязнью подрыва престижа царской России среди славян. Согласиться на решения конгресса, писал он, «значит утратить не только свое обаяние, не только сочувствие, но и уважение славянских племен, наших естественных, наших единственных союзников в Европе». Поэтому Аксаков призывал к проведению более решительной политики в славянском вопросе, не останавливаясь даже перед угрозой новой войны. «Россия не желает войны, но еще менее желает позорного мира»,—заявлял оратор. Выдавая воинственные настроения панславистов за желание народа, он приписывал любому русскому из народа готовность «биться до истощения крови и сил, только бы не стать предателем братьев-христиан».

В речи Аксакова есть указание и на другую, более сокровенную, причину недовольства идеолога славянофильства результатами конгресса. В страхе перед внутренними последствиями дипломатического поражения России он сравнивал русскую дипломатию (по губительности последствий ее деятельности для господствующего режима) с нигилистами, видя их общность в отсутствии «всякого исторического сознания и всякого живого национального чувства», называя их «иностранцами в России», поющими «с чужого европейского голоса». Это самое тяжкое обвинение в устах такого монархиста, каким был Аксаков. Аксаков особенно боялся проникновения недовольства политикой самодержавия в армию и с тревогой восклицал: «Добром же помянут эту кампанию и русскую дипломатию возвратившиеся солдаты!»²⁷.

В выписках В. И. Ленина об империализме мы находим следующее характерное замечание по поводу этой речи: «Иван Сергеевич Аксаков: речь 4 июля 1878 (против русской дипломатии и косвенно против царя: недовольство Берлинским конгрессом)»²⁸. Речь отражала расхождение славянофилов с официальным курсом внешней политики правительства. В резкой форме она осуждала принятый правительством курс на достижение европейского соглашения в восточном вопросе путем уступок западным державам. Речь Аксакова, наряду с аналогичными высказываниями других деятелей, а также многочисленными выступлениями реакционных и либеральных органов печати, критиковавших Берлинский трактат, отражала обострение противоречий в помещичье-буржуазном лагере на почве неудач политики правительства в восточном вопросе. Острота конфликта объяснялась страхом перед внутренними последствиями дипломатического поражения царизма в условиях нарастания в стране революционного движения. Резкое осуждение Аксаковым действий русских уполномоченных на конгрессе свидетельствовало о падении престижа правительства среди господствующего класса, что являлось одним из проявлений назревавшего в стране «кризиса верхов».

Обусловленная корыстными классовыми интересами и славянофильскими идеалистическими построениями позиция Аксакова в критике Берлинского трактата не могла быть последовательной. Вне поля его

²⁶ Там же, лл. 260—261. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 31 июля 1878 г.

²⁷ И. С. Аксаков. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 304—306.

²⁸ В. И. Ленин. Соч., изд. 4, т. 39, стр. 506.

зрения остались вопросы о борьбе балканского крестьянства против турецкого феодального землевладения и о судьбе Македонии, оставшейся в результате решений Берлинского конгресса под властью Турции. Стараясь направить недовольство славян исключительно против русской дипломатии и западных держав, Аксаков внушал им надежду на царя, защищая тем самым славянофильскую идею «исторической миссии» России. Его намерение поддержать в славянах «дух терпения» выдает стремление славянофилов удерживать их от всяких самостоятельных выступлений против Берлинского трактата, не одобренных и не санкционированных царской Россией.

Публично осуждая в своей речи действия русских уполномоченных на конгрессе, отмежевываясь от политики уступок в славянском вопросе, Аксаков стремился поддержать престиж славянофильства в русском обществе и среди славянства.

Но независимо от политических расчетов славянофилов объективно речь имела положительное значение для балканских народов и, прежде всего, для болгар. Она содержала протест против расчленения Болгарии и возвращения ее южной части в турецкое рабство, против перспективы закабаления Болгарии западными капиталистическими державами и превращения Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины в сферу австрийского влияния. Аксаков заклеил враждебную России и балканским народам политику Англии и Австро-Венгрии в восточном вопросе. Он один из первых осудил поведение бисмарковской Германии на Берлинском конгрессе, подчеркнув ее руководящую роль во враждебной России и славянам коалиции западных держав. Поскольку речь Аксакова получила отклик не только в России, но и за границей, она означала защиту попранных конгрессом интересов болгарского народа на международной арене перед мировым общественным мнением.

Собрание Московского славянского благотворительного общества, на котором Аксаков произнес свою речь, не было особенно многолюдным. На нем присутствовало, по свидетельству самого Аксакова, не больше 40—50 человек²⁹. Но речь получила распространение в России и произвела впечатление на современников, особенно в верхах дворянско-буржуазного общества и при дворе.

Не следует, однако, преувеличивать ни широты распространения, ни степени влияния выступления Аксакова на общественное мнение. Аксаков сам энергично содействовал распространению своей речи, но в узко ограниченном кругу «высших мира сего». Текст речи он послал видному сановнику и идеологу реакции К. П. Победоносцеву³⁰, военному министру Д. А. Милютину³¹, начальнику штаба действующей армии и начальнику канцелярии русского императорского комиссара в Болгарии³², придворным дамам сестрам Д. Ф. и Е. Ф. Тютчевым³³. Победоносцев поспешил препроводить речь наследнику престола³⁴. Д. Ф. Тютчева писала И. С. Аксакову о том, что Милютин сообщил речь «всем нашим наличным дипломатам»³⁵. Никакой заботы о распространении речи в более широких кругах русского общества и тем более среди народа Аксаков не проявлял.

Вопреки ожиданиям Аксакова, речь даже появилась в печати, но в очень ограниченном количестве экземпляров. Редактор реакционного

²⁹ ЦГАЛИ, ф. 10, ед. хр. 121, л. 243. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 20—22 июня (1878).

³⁰ Там же, л. 245. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 24 июня (1878).

³¹ Там же, л. 247. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 28 июня (1878).

³² Там же, л. 277. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 26 сентября 1878 г.

³³ Там же, л. 245. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 24 июня (1878).

³⁴ ОРБЛ, ф. Музейный, М., 4408/13. Письмо К. П. Победоносцева Е. Ф. Тютчевой от 29 июня 1878 г.; «Письма Победоносцева к Александру III», т. I, М., 1925, стр. 124.

³⁵ ЦГАЛИ, ф. 10, ед. хр. 121, л. 253. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 7 июля 1878 г.

еженедельника «Гражданин» Пуцыкович напечатал ее в приложении к № 23—24 своего издания. Номер газеты был немедленно конфискован, а «Гражданин» приостановлен на три месяца. Но все-таки 400 экземпляров газеты с речью Аксакова Пуцыкович успел разослать подписчикам столицы и 200 экземпляров послать за границу³⁶. В дворянско-буржуазных кругах и особенно в высшем обществе напечатанная речь произвела сенсацию. Разосланные экземпляры газеты «Гражданин» с речью Аксакова полицией у подписчиков не изымались, и они переходили из рук в руки. В начале июля Аксаков сообщал Е. Ф. Тютчевой, что речь в большом ходу в Петербурге и пошла сама собой, без хлопот с его стороны, и по Москве³⁷.

На отношении к речи Аксакова ярко отразились противоречия и борьба в общественном мнении России вокруг оценки восточной политики царизма.

Демократическая пресса решительно отвергала притязание славянофилов говорить и действовать от имени русского народа. Горячо и искренне сочувствуя балканским народам, она резко критически относилась к решениям Берлинского конгресса, но мотивы ее недовольства были совершенно иные, чем те, которыми руководствовались славянофилы. Демократические органы разоблачали захватнические стремления великих держав, и, в первую очередь, русского царизма. Решения конгресса, по их мнению, игнорировали освободительную борьбу балканских народов. Но демократическая печать решительно выступала против новой войны из-за восточного вопроса и разоблачала шовинистические устремления московских славянофилов и их петербургских пособников-газетчиков. В первой, после выступления Аксакова, июльской книжке журнала «Отечественные записки» за 1878 г. писатель П. Боборыкин в статье по славянскому вопросу выдвинул перед «здоровой частью русской интеллигенции» задачу вырвать славянский вопрос из рук «византийского славянофильства», «из рук тех, кто взял его на откуп, напялил его на себя в виде расшитого мундира, самозванно говорит и действует от имени всего русского народа, портит все наши отношения с Европой и с тем, что есть порядочного в славянстве»³⁸. Отголоском на выступление И. С. Аксакова звучат и слова литературного обозревателя в сентябрьской книжке «Отечественных записок» за 1878 г.: «Ведь и домашнего-то шовинизма нам девать некуда; ведь и своих-то собственных рыцарей мы не знаем, какими средствами уgomонить и образумить»³⁹. Еще через месяц, в очередном литературном обозрении, «Отечественные записки» бросили славянофильству упрек в том, что оно сердится, когда говорят о войне за счет нищего народа, но само «ни нищеты отрицать не смеет, ни от воинственной похоти отказать не хочет»⁴⁰.

Косвенным ответом на выступление Аксакова следует признать также напечатанную в июле 1878 г. в журнале демократического направления «Дело» очередную статью из обозрения под общим названием «Картинки общественной жизни» за подписью «Откровенный писатель». Под этим псевдонимом скрывался весьма близкий в то время к революционным кругам писатель-демократ К. М. Станюкович. В указанной

³⁶ ЦГАЛИ, ф. 10, ед. хр. 121, лл. 253об.—254. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 7 июля 1878 г.

³⁷ Там же, л. 253 об.

³⁸ П. Б о б о р ы к и н. На славянском распутьи (Мотивы и выводы). «Отечественные записки», 1878, июль. Современное обозрение, стр. 23.

³⁹ «Отечественные записки», 1878, сентябрь. Современное обозрение, стр. 134.

⁴⁰ «Отечественные записки», 1878, октябрь. Современное обозрение, стр. 288. В этой же статье отмечается противоречие в жизни «папы славянофильства» И. Аксакова, издающего свои грозные энциклики и сочетающего свои славянофильские убеждения в гнилости европейской цивилизации с практической деятельностью в качестве служащего в кредитных учреждениях на манер этой самой гнилой цивилизации.

статье автор высмеивал «близорукого» соотечественника», писавшего проекты о введении в Болгарии исправников по русскому образцу, мечтавшего о завоевании проливов и Константинополя и разочарованного Берлинским трактатом. Упрекая сконфуженного результатами конгресса соотечественника в том, что его обмануло собственное невежество и самомнение, «Откровенный писатель», в противовес шовинистам, призывал его обратить внимание на внутренние вопросы⁴¹.

Приведенные отклики ясно показывают, что Аксаков отнюдь не отражал чувств и настроений демократической интеллигенции, тем более народных масс.

В помещичье-буржуазных кругах речь Аксакова вызвала многочисленные и весьма различные отклики. Среди либералов, враждебных панславизму и отрицательно относившихся к вмешательству России в дела балканских славян, речь Аксакова была воспринята как призыв к новой войне. «Биржевые ведомости» дважды на своих страницах подвергли резкой критике «воинственную», как они ее называли, речь Аксакова. В передовой статье, напечатанной в номере от 6 июля 1878 г., редакция газеты, отметив, что речь не может появиться в печати «по своей безцензурности особого рода», отнесла ее к тому типу славянофильских речей и статей, «которые нельзя печатать только потому, что усердие в них проявляется не по разуму». «Биржевые ведомости» опасались, что речь Аксакова, напечатанная в чешских газетах, может быть воспринята европейской публикой как протест русского народа против мирного урегулирования дел на Берлинском конгрессе. Газета утверждала, что огромное большинство русского общества радуется окончанию войны. Нельзя отрицать, заявляет она, что война принесла балканским христианам большую пользу и только И. С. Аксаков, ради рекламы своему необузданному славянолюбию, может «выставлять Россию изменницей славянскому делу»⁴².

Проповедь «войны во что бы то ни стало» увидел в выступлении И. С. Аксакова и автор «Московских писем», напечатанных в той же газете в номере от 15 июля 1878 г. Автор этих писем, скрывающийся за инициалами А. Л., обвинил И. С. Аксакова в полном равнодушии к положению русского крестьянства. Корреспондента «Биржевых ведомостей» особенно возмутила попытка вождя славянофилов выступить глашатаем новой войны от имени народа, его заверение, что «весь русский народ» якобы желает войны. «Если г. Аксаков под именем народа понимает тех коммерсантов, которые имеют деловые отношения с московским обществом взаимного кредита, то я не спорю, быть может, они действительно, по каким-либо своим торговым соображениям, желают войны; но наш народ, живущий по деревням, едва ли разделяет такие кровожадные наклонности»⁴³.

Обе упомянутые статьи «Биржевых ведомостей» заслуживают внимания. Они справедливо вскрывают агрессивную направленность речи Аксакова, отмечают неискренность его славянолюбия, фальшивость попыток выступать от имени народа. Но одновременно в этих критических замечаниях пробивается характерная для либеральной буржуазии тенденция примиренческого отношения к реакционным решениям конгресса, готовность принести в жертву интересы балканских народов для достижения соглашения с европейскими державами.

С протестом против воинственной политики России в восточном вопросе и с оправданием сделанных ею на конгрессе уступок выступил видный идеолог буржуазного либерализма Б. Н. Чичерин. Почти одновременно с речью Аксакова им была написана рукописная статья под

⁴¹ «Дело», 1878, июль, стр. 426—433.

⁴² «Биржевые ведомости», 6 июля 1878 г.

⁴³ «Биржевые ведомости», 15 июля 1878 г.

названием «Берлинский мир перед русским общественным мнением». По признанию самого автора, статья явилась своего рода ответом на речь И. С. Аксакова и выражала готовность примирения с решениями конгресса, в которых Чичерин не видел ничего «нарушающего истинные интересы России»⁴⁴.

Выступление Аксакова не встретило поддержки и в дворянско-буржуазных кругах, задававших тон в Московской городской думе. По признанию Аксакова, его попытка подбить Думу на адрес царю не имела успеха⁴⁵. Охлаждение к славянскому вопросу в московских дворянско-буржуазных общественных кругах нашло отражение в позиции видного деятеля Московской городской думы князя В. М. Голицына. В своем дневнике князь, пренебрежительно отзываясь о балканских народах, проявляя безразличие к их судьбе, высказывал желание, чтобы мир был сохранен любой ценой. Речь Аксакова он считал «возмутительно наглой», удивлялся «долготерпению правительства»⁴⁶. Он признал разумной мерой правительства ссылку Аксакова и упразднение Московского славянского комитета⁴⁷. Деятельность комитета, по мнению Голицына, была «вдвое разрушительнее всех наших революционных кружков»⁴⁸. Возмущаясь теми, кто рукоплескал и сочувствовал «проклятой речи» Аксакова, Голицын выдает причину своего раздражения против Аксакова и его поклонников. Суть дела в том, что подобные речи, полагает Голицын, «рассеивая в массах недовольство, недоверие и даже презрение к правительству и его главам», в значительной степени облегчают задачу революционеров, «которые ловко пользуются этим для своей пропаганды». Голицын смущает, что «речи Славянского комитета волнуют массы и вносят в них недоверие и ропот в такие минуты, когда важнее всего единодушные, взаимная поддержка и самообладание»⁴⁹.

Большая часть помещичье-буржуазной прессы либерального и реакционного направлений, оставаясь на почве «традиционной политики» продвижения России к проливам и покровительства балканским славянам, разделяла разочарование и негодование Аксакова. Выступления этих органов печати с критикой решений конгресса были во многом созвучны с мотивами московской речи Аксакова. Крылатая фраза Аксакова «как по живому телу распиливается Болгария на две части» перекликается как с либеральным «Голосом», так и с реакционным «Гражданином»⁵⁰. Аксаков явился наиболее смелым выразителем настроений разочарования и недовольства определенных кругов помещиков и буржуазии уступками России и их сочувствия балканским славянам.

В славянофильских и близких к ним кругах речь была встречена с горячим одобрением. «Аксаков прав, что вся Россия ощущает то же горькое чувство разочарования...»⁵¹, писал А. А. Киреев в своем дневнике о речи Аксакова в Славянском комитете. А. И. Кошелев также разделял чувства, выраженные Аксаковым⁵². О. А. Новикова была «в

⁴⁴ Б. Н. Чичерин. Воспоминания. Земство и Московская дума, М., 1934, стр. 84.

⁴⁵ ЦГАЛИ, ф. 10, ед. хр. 121, л. 247. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Гютчевой от 23 июня 1878 г.

⁴⁶ ОРБЛ, В. М. Голицын. Дневник 1877—1878 гг., ГВМ, 8, стр. 385 (запись от 11 июля 1878 г.).

⁴⁷ Там же, стр. 386, 401 (записи от 12 и 24 июля 1878 г.).

⁴⁸ Там же, стр. 405 (запись от 27 июля 1878 г.).

⁴⁹ Там же, стр. 389 (запись от 15 июля 1878 г.).

⁵⁰ Известный публицист Г. К. Градовский еще в первые дни работы конгресса писал в «Голосе» о том, что «дипломатический резец готов, будто бы, вонзиться в живое тело только что воскрешенной к жизни страны» («Голос», 10(22) июня 1878 г.). А. Сонцов в ноябре 1878 г. на страницах «Гражданина» повторил слова Аксакова, заявляя, что Болгарию «хотят разрезать по живому телу» («Гражданин», 10 ноября 1878 г.).

⁵¹ ОРБЛ, ф. Киреевых, К-7. Дневник А. А. Киреева, 1876—1878 гг., л. 152 (запись от 5 июля 1878 г.).

⁵² А. И. Кошелев. Записки (1812—1883 гг.), Берлин, 1884, стр. 234.

страшном негодовании на изгнание Аксакова из Москвы за его правдивое слово»⁵³. Княгиня Е. А. Черкасская одобряла И. С. Аксакова за высказанное им сочувственное слово болгарам, хотя и сомневалась, поддержит ли оно в них веру в Россию⁵⁴. Е. Ф. Тютчева, долго отговаривавшая И. С. Аксакова от выступления, выразила полное сочувствие содержанию его речи, сама содействовала распространению ее в высших сферах и сообщала Аксакову получаемые отзывы. «Ты высказал,— писала она Аксакову,— то, что у всех нас на душе и все мы, единомысленные люди, благодарим, а я в особенности!»⁵⁵.

Шовинистически настроенные реакционные круги приветствовали речь И. С. Аксакова. Орган помещиков-крепостников еженедельник «Гражданин» полностью солидаризировался с выступлением вождя московских славянофилов. Редактор еженедельника Пуцыкович не только напечатал речь Аксакова в приложении к № 23—24 «Гражданина», но в том же номере поместил редакционную статью, посвященную Берлинскому договору, в которой были повторены и даже усилены некоторые основные положения, высказанные в речи председателя Московского славянского общества⁵⁶.

Таким образом, в отношении к речи И. С. Аксакова проявились две тенденции, столкнувшиеся в помещичье-буржуазном общественном мнении,— сторонников мирного урегулирования восточных дел путем соглашения с европейскими державами и сторонников разрешения восточного вопроса силой оружия в интересах России.

Но даже среди последних некоторые были смущены непривычной резкостью выступления Аксакова. Связанная с аристократическими кругами, панславистски настроенная петербургская газета «Русский мир», издававшаяся генералом Черняевым, называя слово Аксакова правдивым и веским, высказалась против «запоздалых сетований». В связи с этим газета упрекала русских общественных деятелей и русскую печать в неумении выбирать момент, в недостатке такта и политической зрелости⁵⁷. За всеми этими упреками чувствуется страх перед последствиями «несвоевременной» критики, опасение, что она может произвести нежелательное впечатление и оказаться на руку революционерам.

В правительственных и придворных сферах речь И. С. Аксакова вызвала смущение и отношение к ней не сразу определилось. О. А. Новикова сообщила Аксакову дошедший до нее слух, будто царь, прочитав его речь, был сильно поражен⁵⁸. Д. Ф. Тютчева, получив речь, так была смущена ее содержанием, что первое время никому ее не показывала, чем вызвала недовольство И. С. Аксакова⁵⁹.

Первые отклики на речь Аксакова в петербургских высших сферах были весьма разнообразны. Кое-кто с сочувствием отнесся к выступлению знаменитого московского славянофила. А. А. Киреев имел сведения о том, что молодая генерация князей (Сергей, Павел, Константин и Дмитрий) восторгается речью Аксакова⁶⁰. В дипломатическом мире нашлись лица, например видный чиновник Гамбургер, которые, по свидетельству Д. Ф. Тютчевой, «признали горькую правду» речи Акса-

⁵³ Е. С. М. Депутат от России (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой), «Русская старина», 1912, кн. 1, стр. 210.

⁵⁴ ЦГАЛИ, ф. 10, ед. хр. 101, л. 1. Письмо Е. А. Черкасской И. С. Аксакову от 16 июля 1878 г.

⁵⁵ Там же, ед. хр. 98, л. 150. Письмо Е. Ф. Тютчевой И. С. Аксакову от 25 июня 1878 г.

⁵⁶ «Гражданин», 4 июля 1878 г. И. С. Аксаков сравнил Берлинский конгресс с поражением «хуже даже Седана». «Гражданин» пошел дальше и назвал «берлинскую капитуляцию» Мецем.

⁵⁷ «Русский мир», 8(20) июля 1878 г.

⁵⁸ ЦГАЛИ, ф. 10, ед. хр. 121, л. 253. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 7 июля 1878 г.

⁵⁹ Там же, л. 247. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 28 июня 1878 г.

⁶⁰ ОРБЛ, ф. Киреевых, К-7. Дневник А. А. Киреева, 1876—1878 гг., л. 154.

кова⁶¹. Наряду с этим раздались голоса, осуждающие И. С. Аксакова. Один из творцов Берлинского трактата, князь Горчаков, в беседе с О. А. Новиковой упрекал Аксакова за дерзость и за готовность свергнуть Россию в новую войну ради славян⁶². Военный министр Д. А. Милютин назвал речь Аксакова «сумасбродной» и осудил его за неуместное и несвоевременное выступление⁶³. Председатель комитета министров П. А. Валуев увидел в речи Аксакова подрыв престижа правительства. «Какая сила, — вопрошал он, — может при таких условиях принадлежать правительству в европейском смысле слова?»⁶⁴.

В конце концов, в высших сферах восторжествовал взгляд, осуждающий речь Аксакова. Решающую роль в утверждении этого мнения сыграл страх перед революционным движением, «боязнь соблазна», т. е. опасение, что содержащаяся в речи резкая критика дипломатии может легко обернуться против самого правительства. В этом отношении характерна позиция, занятая К. П. Победоносцевым. И. В. Козьменко правильно отметила, что Победоносцев, выражая Аксакову полное сочувствие, считал его речь бесплодной, так как она «не поворотит назад совершившихся событий»⁶⁵. К этому следует добавить, что Победоносцев еще опасался, что выступление Аксакова может произвести в умах «новую смуту и раздражение»⁶⁶. Его опасения еще более возросли, когда он узнал о появлении речи Аксакова в печати. «Не годится пускать в народ такие слова посредством печати. Не годится потому, что слово может получить несоответственное значение выше меры», писал он 6 июля 1878 г. Е. Ф. Тютчевой. Речь Аксакова захватывает только момент мирных переговоров, но к этому моменту, как признает Победоносцев, Россию привела «целая цепь ошибок, недоразумений, беспорядков, злоупотреблений: он — следствие целой системы деятельности, в которой не было единства воли и распоряжений». Если собрать все это, замечает Победоносцев, составит великий обвинительный акт против правительства, но кто может в России предъявить его? — «...разве что одна сильная сила, т. е. подобная во всем той силе, которая составляет предмет обвинения. Обратиться к этой сильной силе — у нас особенно опасное, страшное дело»⁶⁷. Через неделю, узнав о готовящемся распространении речи «на заграничных рынках печати», Победоносцев решительно и в резкой форме высказался против этого и откровенно раскрыл причину, заставляющую его страшиться распространения речи Аксакова: «кроме ревности о благе, кроме негодования на зло, есть еще страх соблазна». Даже самое благонамеренное слово критики кажется правящим верхам опасным, когда в стране зревают признаки революционной ситуации. «Время ли теперь, — спрашивает Победоносцев, — пускать на рынок людской запоздалое слово негодования и возбуждать рознь, которая для нас всего губительнее, рознь взаимного осуждения, в ту минуту, когда нужнее всего единение чувства в народе с правительством? Кто знает, что нас ожидает завтра?» Охваченный страхом перед возможностью «новой и страшной смуты», Победоносцев решительно высказывается за то, что Аксакову надобно «помолчать покуда»⁶⁸.

⁶¹ ЦГАЛИ, ф. 10, ед. хр. 121, л. 253. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 7 июля 1878 г.

⁶² Е. С. М. Депутат от России (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой), «Русская старина», 1912, кн. I, стр. 210.

⁶³ Д. А. Милютин. Дневник, т. III, 1878—1880, М., 1950, стр. 82.

⁶⁴ П. А. Валуев. Дневник. 1877—1884. Пг., 1919, стр. 27.

⁶⁵ И. В. Козьменко. Указ соч., стр. 189—190.

⁶⁶ ОРБЛ, ф. Музейный, 4408/13. Письмо К. П. Победоносцева Е. Ф. Тютчевой от 29 июня (1878).

⁶⁷ Там же. Письмо от 6 июля 1878 г.

⁶⁸ Там же. Письмо от 12 июля 1878 г.

Правительство не сразу реагировало на выступление Аксакова, и последний высказывал предположение, что оно предпочитает просто игнорировать его речь⁶⁹. Но через некоторое время ему был объявлен высочайший выговор, затем его отстранили от поста председателя Славянского общества и выслали из Москвы в деревню (без указания причин и срока). Московское славянское благотворительное общество было закрыто. Такими мерами правительство стремилось уберечь от критики принятый им курс внешней политики. Другой причиной, возможно, было желание удовлетворить Австрию. Это мнение Аксаков высказал в своем письме к Е. Ф. Тютчевой⁷⁰, того же взгляда придерживался и А. А. Киреев⁷¹. Изгнание Аксакова, однако, не было суровым и продолжительным. Ему предложили самому выбрать место ссылки (он избрал село Варварино Владимирской губернии, где находилось имение его свояченицы Е. Ф. Тютчевой), а через четыре месяца, без всякого ходатайства, разрешили вернуться в Москву⁷². Дело в том, что в правящих сферах не сомневались в преданности Аксакова «основам русского государственного строя», т. е. самодержавию.

Заметим, однако, что репрессии, хотя и не очень суровые, обрушившиеся на Аксакова, вызвали сочувственные отклики различных кругов московского общества. В. М. Голицын с досадой отмечал в своем дневнике 28 июля: «Только и речи, что об Аксакове. Утверждают, что с ним поступили возмутительно»⁷³. Сам Аксаков в письме Е. Ф. Тютчевой писал о многочисленных проявлениях к нему искреннего сочувствия и участия, но радовался при этом отсутствию общественной демонстрации: «Теперь лето,— писал он,— и к счастью нет толпы»⁷⁴.

В проявлениях сочувствия опальному Аксакову можно видеть, как справедливо заметил Ш. М. Левин, красноречивый показатель перелома, происходившего в сознании буржуазных кругов московского общества, роста в них настроений разочарования, недовольства, отрицательного отношения к совершавшемуся⁷⁵.

Речь Аксакова была опубликована во многих европейских газетах и стала широко известна. Аксаков передал текст речи отправляющемуся в Германию А. И. Кошелеву с просьбой напечатать ее за границей, что тот, по его свидетельству, «охотно исполнил»⁷⁶. П. Бартнев утверждал, что «знаменитая речь» «в самом скором времени появилась в „Таймсе“, так что облетела всю Европу»⁷⁷. По сообщению «Русского мира», «красноречивое слово И. С. Аксакова» было приведено во многих иностранных газетах⁷⁸. Аксаков, как справедливо заметила И. В. Козьмен-

⁶⁹ ЦГАЛИ, ф. 10, ед. хр. 121, л. 253об. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 7 июля 1878 г.

⁷⁰ Там же, лл. 260—261 Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 31 июля 1878 г.

⁷¹ ОРБЛ, ф. Киреевых, К-7, Дневник А. А. Киреева, 1876—1878, лл. 164—165. О частности австрийского посольства к изгнанию Аксакова пишет также, со слов графини А. Д. Блудовой, издатель «Русского архива» П. Бартнев (П. Б. Из Записной книжки «Русского архива». «Русский архив», 1903, кн. 3, стр. 671). См. также примечания П. Бартнева к опубликованным им письмам И. С. Аксакова из ссылки («Русский архив», 1909, кн. 2, стр. 148).

⁷² ЦГАЛИ, ф. 10, ед. хр. 121, лл. 270—271, 296. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 26 июля 1878 г.

⁷³ ОРБЛ. В. М. Голицын. Дневник 1877—1878 гг. ГВМ, 8, стр. 406 (запись от 28 июля 1878 г.); см. также В. М. Голицын. Москва в 70-х годах. «Голос минувшего», 1919, № 5—12, стр. 149.

⁷⁴ ЦГАЛИ, ф. 505, оп. 1, ед. хр. 186, л. 52—52об. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 26 июля 1878 г.

⁷⁵ «История Москвы», т. IV, стр. 149.

⁷⁶ А. И. Кошелев. Указ, соч., стр. 234. По-видимому, здесь имеется в виду издание речи Аксакова отдельной брошюрой на русском языке, появившейся в Берлине в 1878 г. См. «Речь И. С. Аксакова, произнесенная 22 июня 1878 г. в Московском „Славянском благотворительном обществе“, Berlin, 1878, 24 стр.

⁷⁷ П. Б. Из записной книжки «Русского архива». «Русский архив», 1903, кн. 3, стр. 671.

⁷⁸ «Русский мир», 8(20) июля 1878 г.

кс, принял самые энергичные меры для распространения речи в славянских землях⁷⁹. Согласно его желанию, Одесское болгарское настоятельство познакомило с речью одесских болгар и послало списки речи во многие города Болгарии, а также в Константинополь и Бухарест. По поручению председателя Одесского настоятельства Н. Х. Палаузова сын его, служивший в русском гражданском управлении в Болгарии, должен был прочесть ее членам управления Домонтовичу и Дринову и довести о ней до сведения князя Дондукова⁸⁰. В письме к директору Южнославянского пансиона в г. Николаеве Ф. Н. Минкову от 18 июля 1878 г. И. С. Аксаков сообщал: «Речь эта одесскими болгарскими разослана в десятках копий в Болгарию и напечатана в заграничных славянских газетах»⁸¹. До этого Аксаков сообщал своей постоянной корреспондентке Е. Ф. Тютчевой о том, что получил газеты из Праги со своей речью в переводе и со статьей о ней⁸².

Наши сведения об откликах на речь Аксакова в славянских странах, к сожалению, ограничены. Все же они показывают, что речь произвела на славян, и особенно на болгар, большое впечатление. Об этом сообщается в письмах Аксакова и председателя Одесского болгарского настоятельства Н. Х. Палаузова. Аксаков писал Е. Ф. Тютчевой, что речь его, напечатанная в пражских газетах, производит громадное впечатление на славян и «поддерживает в них веру в Россию, если не в правительство, то в русский народ и его призвание». Аксаков надеялся, что еще более сильное впечатление речь произведет в Болгарии⁸³. Речь Аксакова была восторженно воспринята болгарскими, проживающими в Одессе, мнение которых выразил Н. Х. Палаузов в своем письме к вождю славянофилов, заверяя его в том, что она «глубоко западет в душу каждого болгарина»⁸⁴.

Южные славяне возлагали надежды на помощь Аксакова и Славянского благотворительного общества. Как уже отмечалось, еще до произнесения своей речи Аксаков беспрестанно получал письма и адреса от славян с разными тревожными запросами⁸⁵. Боснийские вожди и инсургенты прислали адрес, в котором заранее протестовали против вступления австрийских войск и клялись встретить их с оружием в руках. Австрийский гнет они считали хуже турецкого, так как турки угнетали славян материально, а Австрия грозит их окатоличить и онемечить. Босняки взывали к Аксакову сказать в защиту их публичное слово и возлагали на него, по выражению последнего, «несбыточные надежды»⁸⁶. Несомненно, что этот адрес оказал влияние на решение И. С. Аксакова выступить со своей речью на заседании Московского славянского благотворительного общества.

После произнесения речи поток писем продолжался. Во время пребывания Аксакова в ссылке в Варварино, уже после ликвидации Московского славянского общества, о чем, впрочем, было запрещено упоминать в газетах, московская почта не переставала пересылать к нему письма из славянских земель⁸⁷, письма, по его словам, «выворачивающие душу — истинные вопли и стоны»⁸⁸.

⁷⁹ И. В. Козьменко. Указ. соч., стр. 189.

⁸⁰ Н. Барсов. Тридцатилетие деятельности Одесского болгарского настоятельства (1854—1884) и материалы для истории освобождения Болгарии, Одесса, 1895, стр. 72.

⁸¹ П. Абрашев. Указ. соч., стр. 58.

⁸² ЦГАЛИ, ф. 10, ед. хр. 121, л. 253. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 7 июля 1878 г.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Н. Барсов. Указ. соч., стр. 72.

⁸⁵ ЦГАЛИ, ф. 505, ед. хр. 186, л. 28об. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 3—6—7 июня 1878 г.

⁸⁶ Там же, ф. 10, ед. хр. 121, лл. 260—261. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 31 июля 1878 г.

⁸⁷ Там же, л. 261 об.

⁸⁸ Там же, л. 264. Письмо от 21 августа 1878 г.

Болгары были благодарны Аксакову за заступничество. О популярности Аксакова среди болгар в этот период свидетельствует тот факт, что они выдвигали его кандидатуру на болгарский престол. Кандидатура Аксакова выдвигалась буржуазно-демократическими болгарскими кругами, а именно органом «молодых» газетой «България». В «Русском мире» была перепечатана статья из этой газеты, в которой в числе трех наиболее популярных среди болгарского народа кандидатов на болгарский престол называются граф Игнатъев, князь Дондуков-Корсаков и Иван Сергеевич Аксаков. Приводя сообщение об этом своего руссукского корреспондента, орган «молодых» добавляет, что Аксаков «самый любимый, наиболее желаемый со стороны нашей молодежи, в особенности той ее части, которая получила свое образование не в России⁸⁹, а в Болгарии, и затем побывала или в Чехии, или в Румынии, или в Константинополе; это главная часть нашей интеллигенции». Популярность Аксакова газета объясняет не только тем, что он является для болгарского народа теоретическим представителем «той русской идеи, которая была теперь осуществлена Россией», но и тем, что он лицо, которое всегда «всячески старается о благе болгарской земли». В статье есть прямое указание на впечатление, произведенное речами Аксакова на болгарский народ: «Знающие лично Аксакова, восхваляют его до небес, а не знающие — читают с восхищением его речи, переведенные на болгарский язык, и удивляются глубине его мысли»⁹⁰. О намерении болгар избрать в князя Аксакова А. А. Кирееву рассказывал также губернатор Софии Алабин⁹¹.

О признательности болгар свидетельствует и тот факт, что среди многих русских деятелей, к которым Тырновское учредительное собрание обратилось с приветствиями, был И. С. Аксаков. На заседании Народного собрания 14 марта 1879 г. были зачитаны письма и телеграммы, полученные собранием, среди них от Аксакова, который благодарил за поздравление, присоединялся к надеждам депутатов и высказывал веру в будущность единой Болгарии⁹².

Итак, анализ речи Аксакова и отклик на нее выявляет два аспекта этого события: с одной стороны, панславистские устремления идеолога славянофильства, а с другой — объективно прогрессивный резонанс его речи в борьбе за освобождение балканских народов от турецкого гнета и от угрозы закабаления их западными капиталистическими державами. Выступление И. С. Аксакова против решений Берлинского конгресса, означавшее поддержку болгарского народа в его стремлении к национальной независимости и единству, сыграло положительную роль в укреплении дружбы двух братских народов.

⁸⁹ Очень характерная оговорка! Болгарская молодежь, получившая образование в России и попадавшая под влияние передовых идей русской демократии, естественно, не могла разделять восхищение вождем московских славянофилов.

⁹⁰ «Русский мир», 16 (28) ноября 1878 г. (Корреспонденция В. Стойкова из Болгарии). Аксаков, получивший вырезку из «Русского мира» и самый номер болгарской газеты, назвал намерение болгар «компрометирующим выражением признательности» и объяснял его тем, что последние считают его человеком, состоящим в чести и силе у русского правительства (ЦГАЛИ, ф. 10, ед. хр. 121, л. 294. Письмо И. С. Аксакова Е. Ф. Тютчевой от 23 ноября 1878 г.).

⁹¹ ОРБЛ, ф. Киреевых, К-7. Дневник А. А. Киреева, 1876—1878 гг., л. 174.

⁹² «Дневницы на Народното събрание в Търново за разглеждането на Органическия устав». Търнов, б. г., стр. 53.